Явь и сны писателя-фантаста в реальном мире

Олесь Павлович Бердник

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Интервью газете Бульвар

- Олесь Бердник

Олесь Бердник
Явь и сны писателя-фантаста в реальном мире

Олесь Бердник написал десятки захватывающих фантастических книг, герои которых носят простые украинские имена и летают к звездным мирам, открывая неизведанное. Двадцати лет отроду он выступил в защиту несправедливо гонимых и во всеуслышание сказал: "Для одних Сталин, может, и гений, а для других — дурак". Что за этим последовало, догадаться не трудно. Ведь на дворе был 49-й год…

В октябре 1989 года он с единомышленниками создает Украинскую Духовную Республику — свободную ассоциацию, объединяющую украинцев во всем мире. В 1991-м — баллотируется на пост Президента Украины.

Зсунута людина. Нелюбов до столів. Про зраду.

— Вы человек, если позволено так сказать, сдвинутый в иные миры…

— Сдвинутый — да. Я это понимаю в положительном плане, в смысле — ищущий. Потому что если человек сдвинулся, то он идет, устремляется к вечному, а не прикипает намертво к какому-то месту, работе, явлению, храму, — не важно, к чему.

— А обязательно нужно сдвинуться, чтобы постигать вечное?

— Конечно. Кем бы ты ни был — попом, академиком, вождем… Вот, скажем, Сталин, — он практически сиднем сидел. Хотя сам сдвигал миллионы. Он их выдергивал из привычной среды и пускал по ГУЛАГам, по космосам — куда угодно.

— Как вы, убежденный странник, живете в этом грубом материальном мире?

— Нормально… Двенадцать лет в тюрьме жил. А так… где и как придется. Вот сейчас с вами на одну волну настраиваюсь… Где обитаю? Уже больше года как квартиру дали на Позняках. Такая блочная… Без излишеств. Вещей минимум.

— Что входит в ваш минимум?

— Даже стола нет письменного. Машинку печатную на колени — и работаю. Так лучше.

— А если появится нечто двухтумбовое?

— Да не появится. Я не люблю столов и столоначальников.

— О вашей личной жизни мало что известно…

— А у меня ее почти и нет. Я считаю, что главная жизнь — это та весть, которую несет человек. Вдумайтесь в это

удивительное слово славянское: "чело" — ученик, "век" — вечный. Вечный ученик, вечный путник.

— Вы довольны своим нынешним положением?

— Я принимаю все как данность. Поэтому нельзя сказать: доволен, недоволен. Никого не критикую: ни родственников, ни врагов. Я могу просто посоветовать, высказать свою точку зрения. А осуждать кого-то, мол, он делает что-то не так — не в моих правилах.

— А если такие поступки оборачиваются для вас неприятностью?

— Надо простить.

— В любом случае?

— Ну, если это предательство — тогда дело другое. Тогда и решение будет иное — полный разрыв. В этой жизни Иудино семя не может быть прощено. Возможно — в будущих воплощениях, когда сам предатель все переосмыслит и изменится.

Посланец, спутник Христа. О самозванстве

— Почему вы не стали кузнецом, как ваш отец, дед, прадед?

— Я пришел, очевидно, не для того, чтобы стать кузнецом. Всегда ощущал себя посланцем, который получил некую весть и должен донести ее туда, где его ждут. Еще в юношестве я понял свою задачу — раскрыть глаза людям на то, что они живут не в одном мире, а во многих. К примеру, как гусеница. Она растет в саду, ползает по дереву, ест листья, а наступит время — и поднимется в воздух, станет небесным жильцом.

Я рано начал осознавать: меня зовут звезды… Мне предстоит сказать людям о самом важном: что человек — это небесное существо, что он вечный, что он не умирает. Я понял главное, даже еще ничего не читая. Позже во мне открылись знания, накопленные в предыдущем бытии.

— Вы знаете, кем были в минувшем воплощении?

— Знаю.

— Скажите, если не секрет.

— Я был спутником Христа, Его учеником. Одним из двенадцати.

— Кем конкретно?

— Наиболее мне близок апостол Андрей. Первый кого Он позвал. Но не обязательно я один могу ощущать свое тождество с апостолом, другие тоже. Это так называемые психологические двойники. Потому что каждый устремленный дух имел несколько воплощений.

— Некоторые люди, ничтоже сумняшеся, говорят: "Я — Христос"…

— Не надо их осуждать. Каждый, кто идет с Ним, пытается до

Него дотянуться. Апостол Павел тоже считал, что в нем должен изобразиться Христос. И Сковорода наш сказал: "Если ты ищешь Христа в мирах коперниковых или во временах Пилата или Тиберия, не найдешь Его. Ты должен найти Христа внутри себя".

— Вот и Марина Кривоногова, видимо, начитавшись философов, заявила, что воплощает себе высочайшие ипостаси Божества…

— Это, конечно, чепуха, самозванство. И вдобавок — вопреки всем пророчествам. Христос сказал, что второй Его приход будет как молния. Озарится весь мир, откроются новые возможности и нам не надо будет говорить, кто Христос. Он явится каждому. И в каждом отразится.

Если бы Марина Цвигун говорила, что она неотделима от Христа, что она не мыслит себя вне Его, — это было бы прекрасно. Но брать в руки скипетр и изображать из себя царицу — зачем?.. Хотя я поражаюсь ее мужеству. Это смелый вызов, хулиганствующей духовной сущности окружения. Гордость, однако, мешаеть ей понять свое место.

— Согласитесь, этак каждый может возомнить, что он был в прошлом воплощении кем-то высочайшим…

— На это следует сказать: ну что ж, подтверди свои притязания нынешней миссией, работой, идеями. Если ты в самом деле что-то заслужил в прошлом, а сейчас лентяй и никчема, то какой смысл в твоем новом воплощении?

Украинская Духовная Республика. Славяне — дети Слова. Антилогос

— Идея Украинской Духовной Республики… Откуда она?

— Впервые ее провозгласил Григорий Сковорода. Это идея державы не географической и политической, а духовной, которая создается по любви, дружбе, побратимству… Географическую Украину можно уничтожить, забросать бомбами, экономически задушить, но духовную — никогда. Сейчас все делается для того, чтобы славянский регион превратить в колонию. Гибнут образование, культура, искусство, фундаментальные и прикладные науки, а ведь это основа национального бытия!

— Чем же славянский регион накликал на себя такие беды?

— Он избранный Учителем. Я сейчас говорю об этом совершенно открыто. Пусть взовьются священнослужители, пусть даже упрекнут в мессианстве. Это не мессианство. Просто Учитель определил наиболее благоприятный грунт, почву для того, чтобы посадить свой росток. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: на Ближнем Востоке Ему это не удалось. Его распяли.

Поэтому был избран славянский регион, где живут, не

мудрствуя лукаво, прекрасные люди. Они ощущают свет Божества естественно — как дышат воздухом, как пьют воду. Здесь чудесный мелос, замечательные перспективы в будущем. Сюда пришло большинство апостолов. Это, кстати, то, что еще никто не знает. И Андрей, и другие апостолы были на нашей земле, просвещали народ. Они несли весть о Распятом, о том, что мы — дети Логоса, дети Слова. Почему и были названы — "славяне", по-украински — "слов'яни", буквально — логосники, дети Бога, дети Христа.

— Кто же мешает славянам исполнить свое предназначение?

— Есть Логос и есть Антилогос. Тот, кого мы называем Сатаной. Это не абстрактная фигура. Сатана персонифицирован во многих — и в Гитлере, и в Сталине. Он царствует во всех, кто принимает его зерно. Я бы сказал так: сыны Логоса — творцы, сыны Антилогоса — разрушители. То, что сейчас уничтожается экономика Украины, — работа Сатаны.

— Но Сатана тоже ведь заинтересован в какой-то стабильности, чтобы всем этим править…

— Сатана заинтересован в том, чтобы человек погряз в вечном желании что-то иметь и не стремился к беспредельности. Иметь колбасу, вождя, вещи. Стань рабом, говорит искуситель, и я дам тебе все: доллары, хату или, на худой конец, — тюрьму, где гарантирована стабильная кормежка. Царь тьмы покупает души за золото. Ведь что такое душа? Это и есть сдвиг, устремление в беспредельность. Христос учит; "Стройте не на песке, а на камне". Камень — это дух, а песок — нечто зыбкое. Но мы не слышим его наставления, прикипая к материальному.

"Сукин сын" в зеленом пиджаке. Из Киева — в Галич

— Перейдем к вашему лагерному опыту. Что вам "пришили" в 1949 году? За что посадили?

— Это случилось на открытом партийном собрании в театре имени Франко, где я тогда работал. Поскольку в то время Сталин провозгласил, что космополиты — враги Советского Союза, их везде находили и уничтожали. Отыскали и в нашем коллективе. Слова попросил народный артист Добровольский и ну поносить своего же друга: дескать, он такой-сякой, не патриот… Меня это удивило. Вот и влез поперек батьки. Встал и рубанул сплеча: "Я совсем еще зеленый (кстати, костюм на мне был травянистого цвета) и опыта не имею жизненного, но мне больно смотреть, как вы, такие маститые, своих вчерашних товарищей поливаете грязью. Как это понять? Вы же выходите на сцену, Шекспира играете, наших классиков, и показываете какие-то примеры. Нельзя же так… Мы же от вас будем перенимать вашу трусость". Милютенко, — он тогда председательствовал, — меня одернул:

"Ну не надо, не надо про это… Давайте про другое… "

— Милютенко — это кто?

— Народный артист, покойный уже. "Ладно, — говорю, — тогда я выскажу некоторые свои соображения по поводу работы в театре". И напомнил, как ставили в театре пьесу Ивана Франко "Украденное счастье". Есть там персонаж такой — корчмарь Лейба. Это же элементарные вещи, что монополия насчет выпивки принадлежала евреям. Скажем, гуцулы шинками не занимались. И вдруг мы видим на сцене: заменили Лейбу каким-то гуцулом. Я говорю: "Зачем корежить наследие великого Франко? Никто же не разрешал классика переписывать". Поднимается Гашинский, тоже народный артист впоследствии: "Вы разве не знаете, что это приказал Лазарь Моисеевич?" Я отвечаю: "А что, Иван Яковлевич уполномочивал Лазаря Моисеевича исправлять его пьесы?" И тут меня понесло — знаете, бывает такое… Я говорю: "Даже если бы Иосиф Виссарионович приказал менять классическое наследие, вы бы не спешили выполнять — есть ведь и авторское право". Тишина мертвая. Аркадий Гашинский: "Вы с ума сошли! Сталин — гений!" Я не выдержал: "Для одних, может, и гений, а для других — дурак". Ну, тут уж подхватились все. Латынский, директор театра, закричал: "Требую прекратить! Это бандеровское выступление!" Поняв, что заехал не туда, я сел, Сделали перерыв. Ко мне подошел Сергиенко, народный артист: "Сашко, уезжай из Киева. Латынский только что звонил в МГБ (Министерство государственной безопасности) и рассказал о том, что здесь произошло". — "А что произошло?" — пожимаю плечами. "Ну твое дело. Я тебя предупредил. Беда будет".

— И вы вняли совету?

— Чуть ли не на следующий день выехал в Западную Украину, в город Галич. Там мне удалось устроиться ответственным секретарем местной газеты. Полгода еще работал. А тем временем МГБ дело закрутило: начало собирать на меня материал. Очень легко собрало. И знакомые, и студенты, и писатели, и художники охотно подтверждали: да, Бердник — антисоветчик, да, он критиковал Маркса, говорил, что колхозный строй — это рабская система…

— Написали на вас даже те, от кого вы не ожидали?

— Абсолютно! Друзья, с которыми выпивал, в "Кукушке" сидел. Кагэбисты всех, с кем я накоротке был, вызывали и говорили: "Надо этого сукина сына посадить. Что вы можете сказать о нем, как об антисоветчике?" — "Да, да. Он сукин сын!" — подтвердили все.

Явление Христа накануне ареста. "Глаза нахальные, уши

треугольные"

— Как, интересно, вас арестовали? — Снится мне накануне сон. Стою под горой, а с горы спускается облако. Раскрывается, и выходит оттуда Христос в терновом венце. Говорит: "Ну что ж, пора снова в дорогу". Я Ему: "Куда?", а он показывает: "Сюда". Смотрю — буреломы, скалы страшные, нагромождения всякие. Спрашиваю: "Зачем?", а он: "Иди, иди" — императивно так сказал и поднял руку, благословляя. Я повернулся и пошел. Проснулся, рассказал хозяйке, у которой квартиру снимал, про этот сон. Это было 22 октября 1949 года, в ночь на 23-е… Она всплеснула руками: "Ой, паночку, вас посадять. І буде вам велика скорбота". Я засмеялся: "За что?"

Пошел на работу. Вижу — машинистка, литредактор как-то сторонятся меня, говорят невнятно. Вдруг открывается дверь, заходит капитан госбезопасности. Вынимает пистолет: "Руки вверх!" — "Почему "руки вверх"? — спрашиваю. А он свое гнет: "Руки вверх! Буду стрелять!" Я похлопал ниже спины: "Сюда стрельни". Гэбист ко мне подскочил, лап-лап, — убедился, что оружия нет. Вытаскивает ордер на арест: "Читай". Читаю и узнаю, что, будучи ярым врагом советского строя, Бердник систематически занимался контрреволюционной пропагандой, направленной на свержение существующего порядка. Здоровенная такая бумага… Я возмутился: "Что это за чепуха?"… Вывели меня вниз, а там два автоматчика. И один из них оказался моим другом, с которым мы воевали в саперном отделении. У него глаза вылезли на лоб: "Сашко, це ти?"

— Вы фронтовик?

— Да, в 44-м пошел добровольцем, а в 46-м демобилизовался по ранению.

— И через три года ваш фронтовой друг повел вас под дулом автомата…

— Капитан приказывает: "Пошли. Руки назад". А я: "Э, нет", — и демонстративно сунул кулаки в карманы. Люди, встречая, думали, что бандеровца арестовали, и говорили: "Слава Україні!"

Привезли меня в Станислав. Стал тюремщик записывать мои особые приметы. И любопытно, и смешно. Смотрит на меня и выводит: "Рост выше среднего". А я как-никак два метра…

— В кого вы такой?

— И в отца, и в деда… Но для чекистов высокий рост — это уже какое-то нарушение. Поэтому и корректирует по ходу… "Лоб низкий", — отмечает, хотя у меня высокий лоб. "Губы тонкие", — тогда как рот у меня был и остался крупным. "Глаза нахальные", — пишет… Ну, может, потому, что я прямо на кагэбистов смотрел, а они привыкли, что перед ними глаза

опускают. "Нос толстый, уши треугольные", — почему, не знаю, но именно — "уши треугольные". Я слушал и улыбался.

Дальше — во Львов. Там в одной камере находилось двести человек. Даже вши дохли от скученности и жары. Но меня поразил удивительный духовный заряд, исходивший от людей. Когда наступал вечер, они становились на колени и пели молитву. Я запомнил только одну строфу: "О, Матір Божа, ми твої діти, не дай віками в тюрмах терпіти". Надзиратели стучали в двери: "Замолчать, бандеровские морды!" Молитва грохочет, да так, что у меня мороз по коже… Я потом думал: "Может быть, Украина получила независимость и благодаря таким молитвам". Потому что от миллионов замученных и страждущих восходили к небесам колоссальные столбы энергии.

Повезли меня в Киев. Начались очные ставки. Приходили мои друзья, извивались; "Ты понимаешь, мы тебя любим, но патриотизм превыше всего…" Шесть месяцев раскручивалось дело. Я не подписывал ничего, говорил: "Все это вранье!"

Следователь Разумный. Судилище. И снова — явление Христа

— Неужели страха не чувствовали?

— Я почему-то был очень дерзкий. Даже сражался со своими мучителями. Когда, например, надевали наручники — дрался с ними, как лев. Они меня валили, топтали меня ногами, били сапогами прямо в грудь так, что я терял сознание. "Ах ты падло!" — кричали. Страшные ребята…

Следствие вел старший лейтенант Разумный… Спустя годы, уже на свободе, я с ним встретился, он стал подполковником. Как-то в трамвае подходит ко мне подвыпивший военный, называет фамилию. Я бровью не повел: дескать, не знаю вас. "А ты присмотрись, присмотрись", — наливается он кровью. "Может, и встречались, — говорю, — но что-то не помню". — "А ты подумай, может, еще придется встретиться", — брызжет слюной. И торжествующе: "Где ваши Дзюбы? Где ваши Стусы? Где ваши Светличные? (А они их уже посадили). Туда и тебе дорога"…

Я ему: "Вспомнил. Фамилия у вас такая: Разумный. Но этот "камуфляж" никого не обманет: вы — дурак". И отошел в сторону. В трамвае звучит: "Остановка Резницкая". Он зашипел: "Резницкая, Резницкая… резать, резать…" А я говорю: "Название этой остановки произошло не от глагола "резать", а от слова "риза", там жили ризники, которые ткали… А потом уже какой-то грамотей перекроил в Резницкую". — "Нет, — взбеленился подполковник, — резать, резать!" Но это так, к слову…

Судили меня в здании, что на площади Богдана Хмельницкого. Быстро все прошло. Судья назвал меня фашистом.

Выступил адвокат. Он с мамы содрал все деньги, которые только можно было. Пьяный, как чоп. Поднялся, качается: "Товарищи судьи! Мой подзащитный — мерзавец и антисоветчик, это понятно, но если можно, дайте ему меньше". Срок, конечно, вкатили на полную катушку.

Когда меня вывели, навстречу мать. Спрашивает: "Сколько?" Я сказал… Она упала в обморок. Какая-то женщина начала поливать ее водой из лужи. Меня завели в каталажку при суде. И тут появился Учитель. Сам. И это был не сон…

— Невидимый для других?

— Ну, разумеется… Но я Его видел, говорил с Ним, обнимал Его. И Он…

— Как это?

— А вот так. Понимайте, как есть. После этого я все время был с Ним, а Он — со мной. Он Сказал: "Мужайся, так должно быть, надо пройти это все. Легких дорог нет — только путь страдания. Если принял на себя тело этой земли, то должен все грехи и боли генотипа — народного и личного — принимать…"

Бандюги и Аэлита. Астральный разговор с товарищем Сталиным

— В лагере вам довелось сидеть с бандитами и ворами. Как вы с ними уживались?

— Чекисты, после того, как я попытался однажды убежать, велели главному вору-пахану меня убрать: мол, поквитайтесь со стукачом. Но он тюремщикам не поверил, зашел ко мне и говорит: "Тебя велено прирезать, но вижу — ты свой парень. Тем более, что сегодня приснилась мне Божья Матерь". И наказал своим: "Сашка не трогать…" Они любили, когда я им рассказывал истории про космос, про будущее человечества. Пересказывал и "Аэлиту" Алексея Толстого. Есть там, если помните, такие слова в конце: "Где ты, где ты, где ты, сын Неба?" Пахан плакал, слезы текли: "Вот сука! Вот хорошо! Мерзавец, как хорошо!" И: "Ишо давай". Я им три раза рассказывал об Аэлите, ворам этим, и они каждый раз рыдали.

— А как отнеслись к вашей "дружбе" с ворами тюремщики?

— Видя, что здесь меня не режут, отправили дальше — в Карлаг. А в начале марта 1953-го снится мне сон… Будто бы сидит Сталин в кресле-качалке и я с ним разговариваю. "Иосиф Виссарионович, — спрашиваю, — ты знаешь, что творится вокруг?" — "Канэчно, знаю". — "Но это же мерзость, это же страшные вещи, миллионы загубленных жизней… Вот и меня зачем-то в тюрьму упрятали". А он: "Это я тэбя пасадыл? Это же тэбя тваи друзья пасадылы…" Потом собеседник вдруг вспыхнул и начал по периметру обгорать — словно огненная искра вырезала

его фигуру из реальности.

— Ну и сны у вас…

— Я этот сон своему напарнику по нарам — цыгану рассказал. Он говорит: "Умрет палач, умрет". А на другой день слышим по радио: так и есть — великий вождь скончался. В тюрьмах неделю на радостях "ура" кричали.

Попытка побега из ада. Защитный купол. Пистолет у виска

— Вы ждали амнистии? — Ждал, ждал и не дождался. Амнистия была только ворам и разбойникам. В октябре 53-го решил бежать с одним другом, киномехаником Суворовым. И не просто так, а на воздушном шаре улететь. Напарник был физик, разбирался в этом. Отец привез мне две тысячи рублей. Мы начали через подставных лиц закупать аэростатный шелк. Думали надуть шар, взвиться над лагерем грозовой ночью, когда ни зги не видать, и махнуть границу. Но кто-то нас подслушал, и Суворова убрали. От воздушного шара пришлось отказаться, но идея побега только окрепла. На этот раз мы надумали рвать когти на пару с неким черниговским кузнецом.

— Помните, как его звали?

— Звали Яковом, а фамилию забыл. Перед побегом мне снилась Божья Матерь с младенцем на руках. И говорит мне она: "Расскажи о его судьбе". А ребенок растет, растет, исчезает на ее руках и сливается со мной. Я ей как на духу про свою жизнь, про то, что во время побега в Долинке (то, чего со мной еще не было) упал в запретную зону и меня из автоматов изрешетили. И вижу все будто наяву: как стреляют с двух сторон, как падаю… Она заплакала и говорит: "Первый раз ты погиб, а второй раз я тебя спасу". Махнула рукой — раздвигается колючая проволока, исчезает лагерь. Передо мною голубое небо, золотые хлеба…

— А как было наяву?

— Нашли мы с Яковом доску метров шесть. И когда ночь пришла — обхода еще не было, только попки эти два — часовые, — перебросили "мостик" с запретки на основную колючую линию. Яков быстро перебежал на ту сторону, прыгнул и исчез в темноте. А я доходяга такой был, худой, не удержался на доске, упал. Думаю: сейчас как врежут часовые с двух сторон. Но молчат. И собаки тоже.

Я опять залез на доску и кое-как оттуда — до колючей проволоки и — вниз. Представьте, волкодав буквально в полуметре отвернулся и зевает. Собака меня не видит! И часовые словно ослепли.

— И как вы это объясняете?

— Видно, такое было напряжение психоэнергетическое…

Образовался купол защитный… А тут и Яков из темноты отзывается. Мы вдвоем как припустили… Через километров двадцать видим: ракеты в небе. Значит, обнаружен наш побег. Мы пробирались к Аралу. Думали сесть на поезд и добраться до Украины. Это, конечно, было бессмысленно.

Ночью нас догнали с собаками. Двое: один — русский, другой — украинец, секретарь комсомольской организации, заведовал в лагере псарней. Приходько его фамилия… Он на меня напал, повалил и начал бить пистолетом и ногами. Курок взвел, поднес пистолет к виску и хотел стрелять, но кореш его остановил: "Нам велено доставить их живыми". Тот заскрежетал зубами: "Ну, твое счастье". Нас разули и заставили больше десяти километров бежать по степи босиком. Ночь, луна в небе, а мы тенями движемся, окровавленные. И такое впечатление, что время остановилось.

В лагерь нас доставили утром, все на работу выходили. Начальник оперчекистского отдела Воробьев заключенных вразумляет: "Видите, убежать невозможно". А я: "Ребята, можно убежать. Просто мы не сумели как следует". На меня набросились: "Замолчи, падло!"

Война мужиков с фраерами. Убийца с ломом. Освобождение

— Потом вас опять судили?

— Да, за контрреволюционный саботаж, то есть за подрыв мероприятий правительства по нашему воспитанию. Отправили в каторжный лагерь… Там я камень долбил… Была война с ворами, меня чуть не убили.

— За что?

— Не стали платить "положенное". "Положенное" — это когда мужики отдают львиную долю своих посылок ворам. А наша камера — мужицкая, политическая, — отказалась… Меня лично приговорили к смерти. Когда я вышел на прогулку во двор, киллер, профессиональный убийца, напал сзади и ударил ломом с двух рук по голове. Такой удар!.. Но у меня даже знака не осталось. Лом отскочил, только колокол в голове прозвучал. И я вспомнил слова Божьей Матери: "… второй раз тебя спасу".

В штрафном спецлагере меня невзлюбил начальник майор Каплан, родственник Фанни Каплан. Он пытался заставить меня вычищать ассенизационные ямы. "Я журналист, — говорю, — закончил театральный…" В ответ крик: "А мне плевать! Ты у меня будешь раком стоять возле унитаза и говно нюхать". Я отказался и угодил в карцер. Там объявил голодовку… Потом снится мне сон. Будто иду по зеркальному полу. открываю дверь, передо мной — Христос в белоснежном одеянии. На голове венок из

белых лилий. Улыбается и, протягивая руку, благословляет. Проснулся. Заходит офицер, называет мою фамилию. "Вам телеграмма". Читаю: "Верховный суд тебя освобождает. Ждем домой. Отец".

Встречи с великими духами. "Горжинка"

— Вашим снам можно лишь позавидовать… Христос к вам приходит, Божья Матерь…

— Это не сны…

— Реальные события?

— Конечно.

— А с кем еще из великих не от мира сего вы встречались в снах?

— Платона встречал, Пифагора, Сократа, Будду… Тараса Шевченко — это самый близкий по духу собеседник, Лесю Украинку, Ивана Франко… Франко сказал, что нам мешает…

— И что же?

— Он использовал такое слово — "горжинка", что значит — маленькая гордость.

— Гординка?

— Именно "горжинка". Если каждый из нас уберет ее из себя, все будет нормально.

Женская красота. Черная Ложа. Любовь и секс

— Вы любите женскую красоту?

— Не только красоту, но и вообще женщин люблю.

— Позвольте спросить: когда вы впервые увидели обнаженное женское тело?

— Бульварный вопрос…

— Вы не ответите?

— Ну почему же… В детстве, когда девчата раздевались на берегу реки или ставка, пацаны умудрялись за ними подсматривать. Мне было очень приятно смотреть… А почему же нет? По-моему, нормальный мужчина не должен вести себя как евнух. Даже в детском возрасте что-то там уже шевелится.

— Как-то вы приводили слова Блаватской о том, что на Земле существует Черная Ложа, обладающая большими космическими знаниями, которая руководит очень многим, включая секс…

— Именно сексом руководит, а не любовью. Секс — это антипод любви, ее подделка.

— ???

— Я не ханжа и принимаю то, что называют сексом. Но это действо должно быть личным, сокровенным, только для двоих. Тогда секс превращается в любовь. А оно если вынесено на подмостки, на сцену… Сатанисты разрушают таинственность. А Бог — это тайна, но не шоу. Не годится напоказ выставлять

технику секса, физиологию.

— А против Фрейда вы ничего не имеете?

— Он берет лишь узкий аспект глубинной жизни человека, чисто сексуальный. А духовного не понимает. Хотя силен, очень силен: большинство-то людей подвержено этим комплексам. Я тоже отдал им дань в свое время.

Грех и совесть. Смерть. "Який їхав, таку й здибав"

— Наверняка у вас бывают сны и от темных сил… — Разумеется. Они атакуют, тут никаких сомнений.

— И как вы справляетесь с греховными мыслями?

— Произошло, да и пошел дальше. И все. Делай свое дело. Начнём с того, что есть единственный грех — признавать свое право на грех. Если вы понимаете, что не следует что-то делать, — так не делайте! Но не считайте, что потом достаточно встать на колени, пойти к попу и покаяться…

— Любопытно…

— Внутреннее раскаяние — вот что самое главное. И чтобы впредь вы этого не допускали. Совершенно элементарно… Тут вы перед Богом, потому что ваша совесть — это Бог. Смешно: какой-то поп, зажравшийся и мордатый, будет отпускать мне грехи.

— Вы выступаете против церковников…

— Конечно. Среди них много жуликов. Я знаю, что нерушима Церковь небесная. Так называемая Торжествующая Церковь. Вот под ее эгидой мы и создали Украинскую Духовную Республику.

— Что же такое, на ваш взгляд, смерть?

— Отворенная дверь в более грандиозный мир. Вы снимаете серые грязные одежды и надеваете прекрасные, светоносные… Это выход на более тонкий, ментальный, духовный план… Овладение высочайшими уровнями свободы. И это может быть достигнуто даже здесь, на Земле. Помните, как Сковорода говорил: "Мир ловил меня, но не поймал".

— Почему же послания от высших цивилизаций, представленные разными контактерами, столь банальны? Как в детских мультиках: живите дружно, берегите природу, иначе погибнете…

— В народе говорят: "Який їхав, таку й здибав". Если человек не семи пядей, то и слышит избитые истины. Ведь что такое контакт? Это общение с высоким потоком Мирового разума. Каждый воспринимает его в меру своей испорченности. Если дух чист, он принимает высокие послания. А если грязен — может клюнуть даже на сатанинские.

О самом главном

— Олесь Павлович! Вы говорите очень интересно, ваш мир сложен, глубок, увлекателен. Но простым, суетно живущим

обывателям эти откровения могут показаться странностью, чудачеством, заумью. Не отпугиваете ли вы людей вместо того, чтобы привлекать их?

— Послушайте, если идти у них на поводу, то зачем нам тогда Христос и Будда, Тарас Шевченко и Сократ? Зачем нам эти мыслители? Франко тогда не должен говорить: "І п'ядь за п'ядею місця ми здобували, хоч не одного там калічили ті скали, ми далі йшли, ніщо не спинювало нас". "Ну і дурень ти, — скажут ему, — Іване Яковичу! Нащо пробивать гостинець для майбутніх поколінь? Що ти себе мучиш, навіщо страждаєш для України?" Он ответит: "Народе мій, замучений, розбитий, мов паралітик той на роздорожжу… Твоїм майбутнім душу я тривожу". Ему скажут: "Якого хріна собі "душу тривожити"? Бери, відкривай ларьок и торгуй собі" Нет, мы не так должны ставить вопрос. Ведь именно эти единицы — Христос, Леонардо да Винчи, Сократ, Рамакришна и другие — они определяют эволюцию человечества. Это катализатор. Может быть кристаллический раствор насыщенный, а не работает. И вдруг какая-то капелька падает — и… забушевало, произошла реакция! Подумайте: две тысячи лет назад появился проповедник Христос. Ходил, людей вразумлял, многие его не понимали. Даже апостолы роптали: что, мол, он там говорит? Заумь какая-то. И смотрите, две тысячи лет кипит, шумит эта гроза над миром! Искусство какое в итоге возникло. И наука. Люди по сей день думают о его Завете. Что такое царство небесное, куда Иисус звал, где он сейчас, можно ли с ним контактировать? Мифическая это фигура или реальная? А если реальная, то что значит — возвратиться к Отцу Небесному? Это же грандиозные задачи, и для решения их люди должны пробудиться. А иначе зачем жить? Ну, можно колбасы целую гору сожрать, можно десять "мерседесов" купить, а дальше что?

— Помните сказку Андерсена о домовом? С одной стороны, каша, которую дает хозяйка, с другой — студент с его книгой, от которой исходит волшебный свет… И домовой не может решить, что же выбрать. Видимо, нельзя призывать к высшему, не учитывая потребности в той же колбасе…

— Я за то, чтобы народ был обеспечен. Это элементарные вещи. Каждому надо что-то поесть и во что-то одеться. Но главное — наше предназначение. Гусеница либо станет мотыльком, либо просто подохнет. Не обзаведясь крыльями, она пропадет, и уже не породит никого и ничего. Вот так и человек. Если он будет держаться только экономики, того, что сейчас называют стабилизацией, если все сведет к меркантильным интересам — человечество погибнет, космос это направление не поддержит. Потому что вечная трансформация — незыблемый закон

Вселенной. Возможно лишь обновление и стремление вверх. И это чисто научный подход. Тут нет никаких выкрутасов, в которых меня даже на первом Соборе обвиняли. Помню, Лукьяненко все пытался "приземлить": "О, захмарні які речі". Наоборот, самые конкретные! Вот то, о чем они говорили, — из заоблачных сфер. Потому что прагматики не учитывали закона эволюции, забывали, что приоритетными всегда должны оставаться образование, наука, духовность, культура. Это главное, во имя чего живет человек. А экономика — всего лишь подспорье. Вот если бы наши люди работали ради приоритета высшего, тогда бы Бог дал им и урожай хороший, и валюту нормальную. Я считаю, что только высокодуховный человек, устремленный к новому в сфере науки и культуры, получит благословение Всевышнего.

— И на материальное?

— И на материальное тоже. В том плане, в каком это необходимо. Потому что если Сатана посылает мешок золота, оно обязательно превратится в черепки, в труху. А если благословит Бог, это даст дружные всходы.

Газета "Бульвар",
июль 1996 г.